

ИИСУС (ПОЛОТНО)

о. Стефану (Стасю Красовицкому)

ЧАСТЬ 1

Свете Асиновской

адрес точный,
лес полночный,
ключ в замочной
скважине торчит,
по земле дождь стучит,
по воде ветер мчит,
луч колюч,
он ручей повернул,
и во мгле утонул,
адово терпение,
словно слово летит в пение,
как растение в сплетение
своей листвы,
воздух чист, голосист и,
веков испокон он сух,
потух пух
тополиный от ветра,
носится хлад над камнями
и между тенями дух

безысходное горе,
мореходное море,
лес в осеннем уборе
на ветру стоит, и точка, ночка черна,
луна близ дома,
низ грома освещает она,
длина моей жизни на
ширину в старину
походила собой,
и над трубой, как звезда
рождественская, ярко горела,
тела долго не оставляла
душа моя,
я торопил
то жизнь, то смерть

вихрь снежный,
ветр нежный
лёд прибрежный тонок,
звонок воздух,
дух летуч,
и кругл угол земли,
нож похож на скрипичный ключ,
усталая простая беда,
талая густая вода,
бегут дни кто куда,
как на войне,
и не страшно, но грустно
маму не помнить мне

глубокую ночь
взрослая дочь
гонит прочь от себя,
летит пыльца в беглеца,
у свинца пух над губой,
гол прибой,
прилив сиротлив,
глоток воды
из воды до бороды достаёт,
точно сады райские
до сада земного,
до стыда страшного,
и звезда молода,
будто тело Бога

длятся споры,
снятся взоры,
землю укрывают горы
от дождя, снега и бега веков
от двойников своих,
тих малых сих сон,
стон таков,
что у солнца с круглых боков
догорела заря,
опустела без тела
душа моя,
голая жердь,
а не смерть торчит
из меня, огня не боится,
снится мне мама
и от боли кричит

елевый шум,
щавелевый ум,
едет, едет толстосум,
ездок запоздалый и молчит,
мчит его дорога
до моего порога,
и нет у неё конца,
и в сердце моём хитреца,
и на себя оно не похоже,
как мать на отца

жива вчера
была жара,
бела пора
осенняя уже,
рай, сыграй в ад,
в сад земной со мной,
что ж, ёж иглокож,
ветром разносится ложь,
свист, как лист,
на правду похож,
звезда бегучая, жаркая,
окая, акая,
пыль взвей,
туча плакучая, шаркая,
дождём, гвоздём
пыль прибей,
хорош я вблизи отца,
огонь, маму мою не тронь,
рук, ног моих,
уходя во тьму

забежал далеко вперёд
по вечернему озеру лёд,
и до неба он достаёт,
влажная почва в ночи
рассыпается на кирпичи,
и зелёные бьют ключи,
запестрели цветы втроём,
Бог-Отец, Бог-Сын и водоём
ринулись в тот проём

изгой дорогой,
на лугу он другой,
любой звук
на стук сердца похож,
вхож я в родительский дом,
гром гремит,
погром громит,
и в начале дня
спит, храпит звонко,
тонко поёт слепой

кувшин скрипит
резными стенками,
в нём мытарь спит
к стене коленками,
коленок две,
они - ровесницы,
кувшин в траве
у ног прелестницы,
и чашек две,
они - коленные,
и в голове
маршруты генные,
кувшин скрипит,
солдаты драпают,
и мытарь спит,
и стены капают

ленивая походка,
нива, и лодка
на ней, как пилотка,
бескрайний простор не скор,
и душа, будто вор,
рост гор в высоту
и звёзд в темноту замедляет,
с бесом веду спор,
скор он на расправу,
по какому праву
я слева траву вижу,
а приближу справа её,
она ещё выше встанет,
станет солнцем
души остриё

марево тумана,
зареве обмана
и в сердце урагана
масса пыли,
жили-были мы до зимы,
будто до лета, без света,
смерть вспоминала
это из тьмы,
жизнь, слагая меня
из друзей моих,
их берегла, точно мгла,
и цвела для них,
середину и глину
между нами нашла,
местами нас поменяла,
сыпала снами и именами

настыл лёд,
и он врёт,
наст плыл вперёд,
настал черёд облаков,
таков рай, каков ад,
град, а не хлад пал на землю,
нем я, продлю сад
своих слов туда,
где из воды вода,
из еды еда,
бегут назад в мой рот,
оборот наоборот
делает одна луна,
другая мне прибавляет год

опушка с домом,
верхушка с громом
в незнакомом месте,
вместе со мной стоят,
на первый взгляд они,
точно в жизни иной
круговерть земли,
небесные дали, и
моя жизнь вдали,
то ли видна она,
то ли смерть у меня одна

положение рук
похоже собой
на морской прибой,
вдруг слышу стук
сердца в своей груди,
сер цвет конца ночи, но
чист ветра свист,
лист сорвался давно,
«ой», шепчу я своим кулакам,
щекам левой и правой,
глазам двум
сквозь шум

распутица самая
из весеннего угла плыла,
весна одинокой была,
мама и я,
ни слова не говоря,
в высокой молчим тишине,
тишь в окне стоит,
то вид сверху,
верь уху своему,
к стене его приложи,
и ни слова о вечности,
одни прошли облака,
об землю другие ударились громко,
гром в дом превратился,
имена в фамилии,
тебе, отец, дорогие

сойдут снега,
взойдут звёзды
сплошным потоком,
о высоком молчу,
низкое солнце на далёком
языке в реке не утонет
и чужого слова не тронет,
так и беда из-под крова уходит,
как моя жизнь проходит,
волной предо мной,
и, волна за волной,
я в родителях отражусь,
вслед за ними в землю ложусь,
смерти нет,
и на месте кружусь,
и в сыновья им гожусь

тонут дома
в садах, полутьма
опускается, словно зима,
не помню, чьи это слова едва
не стали пустыми,
утекло столько лет,
сколько их нет у меня,
и мама моя жива
вместе с ними

утолщается кора земная,
ем, зная, что гора
еды остра,
сыра её вершина,
верши суд свой надо мной, половина моей души,
другая, продли мой век,
удали рыб из рек,
птиц небесных из облаков,
забери страх
из рук мамы,
из моих кулаков,
с хлебов пресных

фрукты вокруг
висят моих рук,
солнце круг
делает в облаках,
и встают небеса,
и роса на землю ложится,
и кружится чернозёмная полоса,
и чудеса творят
мои руки,
горят глаза
с головы до пят,
кропят дожди меня,
дня не пролетело,
полетело солнце на землю,
руки повисли,
мама и папа
взяли душу и тело

хранится молчание,
будто окончание
ноги, ею качание
в тишине дневной
гнев иной,
чем молчание, выдаёт
и даёт в споре
вид сверху на горе,
словно на море
с одной волной

цветёт красотой лёд,
будто густой воздух
в пустой реке,
в кулаке берегов
она темна,
рука рыбака бела,
вот другая, и ни души,
рыбаков шалаши
похожи на ветки в глуши,
вхожи крики в слово «кричи»,
точно хлеб в кусок,
голова в волосок,
в морской шумок
ручьи и ключи

что моих было сил,
себя я простил,
ветер тучу носил,
дождь из неё моросил,
поднималась она высоко в реке,
на руке пальцев пять,
опять указательный вдалеке
от вращения земли
после команды «пли»,
другие четыре легли
на юг, север, запад, восток,
и на замке мой роток

шипучая вода
гудит, будто провода,
и не бегает звезда никогда
в небесах, в лесах,
и поезда шумят,
и примят снег,
век мой домой идёт,
ум и взгляд
плывут друг за другом,
точно страх за испугом,
и стыдятся меня
дня начало,
ночной конец,
грустит жнец сеющий,
летит птенец, реющий
над жизнью и смертью,
и где попало

щель смотровая,
улыбка кривая,
как в небе луна,
и снегом спина моя занесена,
и слова я свои повторяю,
и живому, как мёртвому, доверяю,
и на месте моём ни одно
не окажется всё равно,
и голос мой тих
на губах моих

элегичное настроение,
наст и роение снега,
построение облаков,
сам я таков
с боков своих двух,
слева направо
шорох шелков
родительских слышится,
справа налево
он пишется,
имя фамилией
не надышится моей,
левой меня мать,
правой отец,
камень, как точка
стоит, не колыхается

юрокое движение,
кружение земли,
приближение ночи к дню,
подчиню себя этому,
и поэтому у меня
дня не прошло,
ушло чёрное огнеупорное
столько лет назад,
сколько рай и ад
дружно в земле лежат

ядро земли полно земли,
вьюги ведро в руке замели,
мизинец мал ли,
он больше меня,
короче ночи, дня
и меньше других пальцев моих,
сел я на ладонь свою,
сад, точно конь подо мной
в воде ледяной

ЧАСТЬ 2

Тане Михайловской

облако, как друг,
и земля близ туч,
чёрная, как жук,
промелькнула вдруг,
и повис, как звук,
на ресницах луч

яблоко грыз друг,
и земля близ туч

башню строит друг
из тяжёлых туч,
и она, как жук,
крылья сложит вдруг,
прожит день, и звук
в рот летит, как луч

башню строит друг
из тяжёлых туч

ранняя зима,
и вода, как лёд,
на себя сама
не похожа тьма
снежного холма,
только ест и пьёт

ранняя зима,
и вода, как лёд

поздняя зима,
и земля под лёд
камнем, и сама
расступилась тьма
снежного холма
и не ест, не пьёт

поздняя зима,
и земля под лёд

сердца горячей
вместо колеса
катится ручей,
кровь полна лучей,
вновь внутри ночей,
как луна, роса

сердца горячей
вместо колеса

небо горячей
грома колеса,
башня, как ручей,
как весло лучей,
как число ночей,
и звездой роса

небо горячей
грома колеса

вытянулся дым
в линию огня,
облаком седым
вытянулся дым,
волос молодым
стал и встал с меня

вытянулся дым
в линию огня

вылупился дым,
и росток огня
сделался седым,
вылупился дым,
прыгнул молодым
сверху на меня

вылупился дым
и росток огня

по ночам темно
в небесах от звёзд,
не было давно
по ночам темно,
солнце, как окно
в человечесий рост

по ночам темно
в небесах от звёзд

в городе темно,
свет стоит у звёзд
тех, что нет давно,
в городе темно,
в башне есть окно
солнцу во весь рост

в городе темно,
свет стоит у звёзд

кит стучит хвостом,
плавниками, и
у него в пустом
чреве обжитом
тень лежит пластом
жителя земли

кит стучит хвостом,
плавниками и

ящерка с хвостом
расстаётся, и
на его пустом
месте обжитом
пашня, и пластом
башня до земли

ящерка с хвостом
расстаётся и

лунную породу
впитывает бег
солнца, словно воду
суша в непогоду,
и по небосводу
башню гонит снег

лунную породу
впитывает бег

горную породу
поднимает бег
рек в морскую воду,
башня в непогоду
липнет к небосводу
и лежит, как снег

горную породу
поднимает бег

крыши в темноту,
под навес небес,
город весь в цвету,
башня наготу
прячет, на лету
набирает вес

крыши в темноту,
под навес небес

корни в темноту,
и земля с небес
светит, и в цвету
держит наготу
веток на лету,
и теряет вес

корни в темноту,
и земля с небес

башня стала мной
и живёт легко,
словно за стеной
каменной земной,
и душа волной
в небе высоко

башня стала мной
и живёт легко

плохо мне со мной,
и душе легко,
тело ей стеной
от её земной
жизни, и волной
сердце высоко

плохо мне со мной,
и душе легко

снова друг живой,
крова нет над ним,
солнце над травой,
и луна, как дым

снова друг живой,
крова нет над ним

мой отец живой,
мама рядом с ним,
им земля, как слой
звёзд над головой,
башня над травой
вьётся, словно дым

мой отец живой
мама рядом с ним

кружится вода,
вспять не повернуть,
сгинут без следа
облаков стада,
и земля тверда,
как на небо путь

кружится вода,
вспять не повернуть

рек летит вода,
ветер повернуть
в башню без следа,
как в ковчег стада,
и звезда тверда,
как на землю путь

рек летит вода,
ветер повернуть

под землёй тенисто,
в ней душа цветёт,
и на небе чисто,
эхо мчится быстро,
и язык от свиста,
словно клык растёт

под землёй тенисто,
в ней душа цветёт

озеро тенисто,
гладь его цветёт,
и на башне чисто,
ни души, и быстро
тень её от свиста
ветра вниз растёт

озеро тенисто,
гладь его цветёт

ЧАСТЬ 3

Боре Колымагину

ядрёный орех в мех
лёг и утонул в нём,
точно воздух в ночи,
и сгустился бесплотный дух,
и в слух он обратился,
и возвратился в смех,
куст полыхнул огнём,
и хруст упорхнул,
ясный угрюм ум,
яркие краски от ласки
тают, та «ю» от «я»
далека, легка пороша,
будто ноша её в глубоком снегу,
и на берегу морской шум,
умерла мама моя

юг вдалеке,
точно в реке вода,
и провода гудят
даже при полном безветрии,
ключ торчит в замке,
поверну его не туда,
куда окна на север глядят,
прошлое ворочу
ключу к своему сердцу,
верчу головой
по сторонам света,
голова у меня одна,
не хочу такой палачу моему,
он, мама, и твой

экзотичный наряд,
летит повеса из леса,
ос семью
не видно за осенью,
и слова, как трава, молчат
и не мчат свой ряд,
и свободно, одно на одно,
на дно жизни ложатся,
тени сторон света
от края до края,
вторая жизнь сюда
никогда не вернётся,
проснётся она у дна своего,
и его не станет,
и мама на ноги встанет

щёлкают ключи,
а когда звенят
в печи или в ночи,
тогда одна луна,
Мария, взгляд ягнят
ложатся, как стена
и раньше не встают,
и во тьме темнят,
пока не оттенят
они в тени уют

шарф, пёстрый и острый он,
а не колючий, летучий,
с горной кручи
с утра набежали тучи,
безмолвие полное
наступило и отступило,
писк, щебет и звон
вон унеслись в жгучий мороз,
сапоги жали,
живу наплаву без них,
тих шорох,
и на пороге стуж
душ родительских хор,
как ворох листвы
«вы» в кусты говорит вместо «ты»,
и пусты темноты шапки и лапки,
и слышится чих из неё, точно укор,
и скор поворот головы

чалит к пристани паром
в сыром месте,
и вместе с рекой покой
принёс он на плёс,
мороз льёт холод на лёд,
чистое небо бежит,
как вода сверху туч,
дом плавуч,
как брошенный луч,
гром чарует трудом и тоской
с чернозёмных тёмных полос,
чередуются звуки разлуки,
летят и лежат,
и к маме отец прижат

цветы, как листья, густы,
чуткое ухо глухо,
и о хвальбе себе оно говорит,
явственно шёпот слышался,
копни, найдёшь рожь и пшеницу,
в темницу посадишь себя
от родителей двух вдали,
уменьшились дни,
ты усни в них,
сам тих,
и чужих не тревожь

худа никто из нас,
раз хорошее с ним стряслось,
не пожелает другому,
точно грому живому
иль кому земли,
«аз» ярче «есмь» пылает,
дым огню подстиляет солому,
хлеб так леп,
что не хлеб он,
и слеп, как сон,
и камень на склоне лежит,
и покой над рекой бежит,
с рекой другой врозь

Фраза словам даёт
кров, но не поёт
им на ночь она,
никто и не спит,
собака скулит,
и светит луна,
поэтому не бегут
те, кого стерегут
ножницы сна

угнездились чайки в стайки
каменей и теней от них,
тих песок,
точно кусок земли
вдали от слушателей
убеждённых в своей правоте,
убавились зимние дни с трудом,
и растаял в пыли мой дом,
словно снега ком,
и от сада осталась
весна на дворе

тополевая аллея, белея,
таинственный вид таит,
и просвечивает небо
сквозь верхушки деревьев,
раз – и разлетелись
из родного дома сыновья,
как искры из глаз

светятся, а не пестры костры,
и огни, как они горят,
сбивается на сказку рассказ
раз, второй, на третий
сгладилось первое впечатление,
как слёзы, вопросы из глаз,
со всеми подряд
о своём говорят
«буки», «веди», «аз»,
свернулась береста, чиста
она на самую малость, точно кость,
у Бога семь «я», моя семья
не спасла числа «три»,
и внутри куста
гордыня по имени «злость»

ранняя зима
в этом году
развеяла туман,
радуют ума
успехи, утехы, доспехи его,
и самообман,
точно железный карман
сияет у тела,
села мысль,
улетела душа
и в том же году
вернулась обратно
белее мела,
и облетела листва её озорства,
и троекратно прокричал я
родителям злое слово «понятно»

перемежается зной
с вышиной и прохладой,
кипарис вниз растёт и вверх,
точно земля сквозь поля,
и не страшен закат,
и покат его свет,
и сед цвет головы,
как травы под луной,
просматривается местность
и окрестность её напротив лета,
вечного и быстротечного,
и радость в глазах отца

обратился в пар комар,
обмёрзли усы у лисы,
облечь бы кого-нибудь
тайным доверием,
озеро горного кряжа,
а не пряжа держит удар,
опасение во спасение дано,
темно не оно,
а одно нежное
падежное окончание,
основать бы музей
друзей живого слова,
бревно, точно веретено,
а центробежное снежное
сквозь подснежное
вспомнит волхвов молчание

недобрая весть
есть в том, в ком
неведомая доброта есть,
встать, сесть,
шесть дней до ста лет
и, неспроста, сто годов
до шести стыдов досчитать,
дочь воспитать, и тайком
с жуком, с птицей,
с темницей её сравнить,
точь-в-точь ночь
днём седьмым удлинить,
и родителей в нём обронить

мелочь одна
над утренним садом
осталась от звёзд,
и листва уже холодна,
и трава на меже бледна,
и в теле душа видна,
и едва ушла ночь,
встала дочь моя в рост,
прост стал язык мой,
тоска наша летала зимой,
летом цветом была близка
к зелёному, как облака

лилия водяная
из избытия воды
земной торчит
на стебле высоком,
и в месте глубоком
запад стоит над востоком,
иная речь облака,
точно рука, влачит,
одна моя ладонь
в ладонь молчит
в краю, далёком
от мнения моего о себе,
и как вечного лета
по эту сторону света,
так и родителей нету
у каждого встречного

компания от копания устаёт,
поёт она громко, гром гремит
в вышине, и не страшно,
что мёртвое дело неотлично
от живого внутри себя облака,
и как солнце встаёт
в конце дня из огня своего и шумит,
так и слово «работа» темно,
снег поднимает вьюгу,
земля сквозь поля
чёрная и сырая

испуг слуг прошёл,
точно слух об избавлении от хлопот,
и птиц небосвод не греет,
и настроение игривое
не стареет от времени,
которое нашёл дом с трудом
в прибавлении семей,
плюс тесно жить интересно,
только жить одному неизвестно как,
и знак стоит на свинце,
в конце тучи,
минус груз,
трус ус крутит свой,
исключено это где-то вдали от суеты,
день убывает и прибывает,
и сам забывает как себя убивает

забрызгал дождь из тучи,
забыл номер я его,
сколько краёв у земли,
столько ступенек
с кручи небесной
до тесной воды,
подле каменной кучи
замысловатой игрой
с первым веком занят второй,
свет из
звезды глядит вниз,
как сквозь строй солдат,
и ветер гудит,
и воздух сырой от утрат

жестом на вопрос
отца отвечаю,
как надо любить
мать свою
сильнее слов своих,
и дум о них,
и буквы рукописной
сверху вниз и обратно,
рождественская звезда
разбудила коз,
ночь начинает темнеть
и поднимать облака
с овечьего языка,
а не шум дождя,
и вода, как младенец кричит,
свет домой
идёт по прямой,
так и сыном недолго прослыть
своей лжи о семействе своём

единое целое белое,
выгорела до тла метла,
предпоследний на улице дом
с трудом стоит на земле,
правда, что есть истина,
ну и что плохого в ней,
без корней перед ней,
они наверху на слуху,
грозе в лозе тесно,
пресно быстрой воде в стыде,
молний пруд пруди в груди шара,
поодаль сел шмель на шинель,
не темни, возомни о себе,
что себе ты не пара,
что тебе никого не жаль
и родителей двух
вслух не печаль

древнее животное
открывает душу,
выкатилось потное
из воды на сушу,
золотоискатель
моет сапоги,
душеоткрыватель
катится с ноги,
сердце его смуглое
красную росу
гонит через круглое
тело, как лису

гладь озёрная чёрная,
здесь раньше был лес,
и до небес долетали дали,
а не раскаты грома,
ещё есть интерес
не к слову,
а к зову его врагов,
к покрову лугов и стогов,
сверкала, икала,
искала вода,
окликала частица «да»
и маленькой лжи ожидала

вершины сосны тесны,
словно поля
ковыля для угля,
сердце вселяет тревогу
в ногу, руку,
в разлуку между ними,
совесть грызёт,
а не весть о ней тянет слова,
сбылись надежды одежды,
солнцу сесть не мешает листва,
и всему голова
равнина без шва

бочка стоит,
ушла из неё и ничего не нашла
под землёй вода,
лёд поёт, не пьёт, не ест,
не скачет, не грач он,
дали сами себя миновали,
галка, а не балка стальная,
прелесть есть, а не честь,
луг сам себя друг,
и звезда сорвалась с цепи,
ночь полна,
и луна наготове
в слове «терпи»

альбом грибом заложен,
глаза горят,
взгляд осторожен,
он, как слеза
назад возвращается,
то-то едва голова
на плечах умещается,
мать без затей
хорошему учит детей,
и растёт с ними врозь
то, что елось ей и пилось

ЧАСТЬ 4

Георгию Баллу

Гроза и утренних цветков
Глаза в слезах горят;
Душа мой провожает взгляд
Домой на небо, лепестков
Тела над тьмой парят;
Бог слышит лепет облаков
С земли и в ней не спят

Звёзд в ночи так мало
Что их лучи идут
В рост как будто встало
Солнце где его не ждут;
И с корнем тьму сорвало
С земли в которую кладут
Раньше чем ей жизнь дадут

Горе-корень радость-пень
Вечер – ночи своей тень;
Земля-улица душа-дом
Голова кружится листом
Осень лето утро день;
Сначала тишина, потом
Зима весна на свете том

Капли падают борьба
Теней их, пыль клубя,
Идёт под солнцем за тебя,
Душа моя раба;
И мёртвых о живых дробя
Земля как голова слаба
Кружится всех любя

Да зерно в земле лежит
Давно но злак-юнец
От холода её дрожит,
Равно как ветер-жнец;
Земля то небо обнажит
То стайку в нём сердец
И выпорхнет душа-птенец

К самим себе глаза добры
Их взгляды им дары
В своих слезах-корзинах
Несут в ресницах длинных
Как землю звезд шары;
Так на крылах лица совиных
То ночь то день на разных половинах

Глазам своим не веря
Птица как дождя поток
Падает и солнце коготок
Слезы её вонзает в зверя;
Так грозы даёт росток
Громом голоса потеря
За один души виток

Ни разу солнце не присев
Не набирает высоты
Звёзды к небесам воздев
Как руки я и ты;
Восход сменяется на гнев
Закат на милость темноты
Как наших душ черты

Когда глаза крупнее соли
Лицо как поле на приколе
И пресная вода морской
Несёт как ветер непокой;
Тогда слеза виднее боли
Омытой как рекой тоской
И страх с ресниц как взмах рукой

Сами ещё дети
Глаза – родители лица
Они без мамы и отца
Растут на этом свете
Как крылья у птенца;
На том во взгляды-сети
Дни летят на ветер

Между небом землёй ковчег
Горизонта; живая вода
Умирает как человек
На глазах своих иногда;
Дождь переходит в снег
Дней всё тучней стада;
Плоть-суббота душа-среда

Между душой и телом
Чёрная в облаке белом
Нитка земли как луч
Небесных равнин и круч
В сердце разбитом; в целом
Сколько его не мучь,
Никого ни солнца ни туч

Тело с душой расстаётся
Будто жизни две половины
Разлетаются от середины;
То с правой то с левой бьётся
Сердце насмерть из-за картины
Той земли над которой несётся
Дух Святой и смыкаются льдины

Вверх на этом вниз на том
Свете как дети растут
Души сначала глаза потом;
И звёзды не пахнут когда цветут
Птицей рыбой скотом;
Страшный не страшен Суд,
Небом одет землёй обут

Сердце в груди как зрачок
В детский сжимается кулачок
Болят оно словно два
Глаза, им голова;
И небо над ним молчок
О том что была жива
Душа задолго до Рождества

Светел ветер грозовой
Лес стоит дождём
Над луговой травой и в нём
То днём то ночью то листвою
Усыпан дикий водоём
По берегам его кривой
Улыбки на лице моём

Птица поёт одиноко
Звуков растёт семья
Словно от страха око
В котором слеза-змея;
Друг от друга далёко,
Птаха пред ним и я
Плоть её и душа моя

Ветер снегу как лёд
В воду войти не даёт;
Так у небесных врат
Белую ночь закат
Держит и солнце встаёт
Под землёй словно над
Глазами на звёзды взгляд

На глаза слеза без дна
Зима и рано под водой
Темнеет падает звездой
С берега бегущая волна;
В очи длинной и худой
Ночи полная луна
Прячет месяц молодой

Горы колышутся горба
От жары и от дождя,
Солнце в небе как изба
Без единого гвоздя;
Земли бесшумная ходьба,
Звёзды по ночам будя
Душа уходит уходя

Как взгляд горят снега
Плачут неба берега
Стоят и не смыкают глаз;
Искрится словно лица наст
Луга пускаются в бега
Дни распускаются погас
Один другой пурга

Плоть – соли щепоть
Как будто другому даны
Глаза Его боли полны;
Дух – хлеба ломоть
День потух – глаза голодны
Словно в пустыне Господь
И на небе Ему равны

Мёртвое тело взамен
Живого душа взяла
Будто попали в плен
К жертве глаза орла;
Землю не тронул тлен
Ни крыла её ни чела
И не ела она не спала

Между телом душой зазор
Прежде родился чем гаснет взор;
Столько звёзд в глазах сколько лет
С этим тот разделяют свет;
Птиц зверей всё древней узор
На земле в которой кого только нет,
Никого, ни её самой ни других планет

Всё чаще в облике тропы
То чаща отразится то долина
Как в облаке небесная пучина
И месяцев двенадцати серпы;
Вдруг расставания година
Друг к другу повернут стопы
Ночь-женщина и день-мужчина

Опадёт листва с ветров,
Жива, спружинит мох;
Сбросит бремя вечеров
Ночь глубокая как вздох;
Рассвет румян и чернобров,
В небе звёзд переполох
Застигнутых врасплох

Имя в облаке отчества
Словно в облике птичьим пророчество;
Душа управляет телом
Как женщина мужчиной неумелым
Когда ему жить не хочется;
И сердце разбитое с целым
Стоит рядом на свете белом

Плоть-невеста дух-жених;
Как будто брат с сестрой
Сошли с небес живут второй
Жизнью сердец своих;
Тучи мучая порой
Словно родителей своих
На земле сырой

По росту словно дети
Мною прожитые дни
Строятся на этом свете
В моей тени;
Душа за тело не в ответе
Мне жизнь оставили они
На склоне лет как след от пятерни

Дух-ветер глаза-паруса
Тело возвращается на небеса
Звёзд его накрывает вал
Земля вращается как штурвал
Её нет нигде, чудеса
Господь творит и роса
Ложится где свет упал

ЧАСТЬ 5

Зине Юрчишко

Мгла из-за угла чуть свет
Глядит на них вблизи как вслед
И нет глазам числа

Дух – уходящая натура
Сегодня – ясно завтра – хмуро
Летящие тела

В метель – ты чей – молчи
Ночей озёра у свечи
Постель и нет простора

Тень пятится как рак
День катится во мрак
От своего повтора

В который раз оставил сердце
Глаз захлопывает дверцы
За собой мой дух

Он возвратится прежде ночи
Распахнутся ночи очи
Только день потух

Слёз моих на нитке взгляда
Как чужих повисло стадо
За собой маня

Низко на земле рассвету
Звёзды близко утра нету
Дух возьми меня

В глаза глядеть я не могу
Две капли мёрзнут на снегу
Не превращаясь в лёд

Земля вращаясь делит свет
На тот и этот – ночи нет
День прожит и он – вот

Берега бегут под кров
Созвездий через ров ветров
Из оков души

Испуг прошёл осиротело
Моё как бы чужое тело
Как звук её в тиши

Наедине с собою птица
Земли и неба сторонится
Как во сне в весне

Звёзды зажигает мгла
Душа и тело – два крыла
Через лес ко мне

Между камней трава всё выше
Над ней соломенные крыши
Под солнцем облака

В глаза гляжу в которых не был
Сколько неба – столько хлеба
И слёз ни колоска

Земля сплетённая из роз
Вверх-вниз со скоростью волос
Растёт над головой

И белый свет кружит звезда
И взгляд как вешняя вода
Бежит на голос твой

Из моря выползет на сушу
Охватит взглядом свою душу
Обратно двинется волна

Дно ощетинится и сразу
Волна невидимая глазу
Исчезнет до темна

Лодка – ночь звезда – гребец
Вёсла – мама и отец
В небе глубоко

Сердце – вечер очи – день
Душа – пустыня тело – тень
Им вместе нелегко

Два моих глаза – близнеца
В домике растут лица
Как острова на море

Им по-разному видна
Душа живущая одна
Во мне как на просторе

С неба луч – тропа
Туч на ней толпа
Звёзд стоит тесней

Земля как камень путевой
Так солнце вертит головой
Что ночи день длинней

Роса на кончике луча
То холодна то горяча
И голоса повсюду

Ветер с мёртвой и живой
Листвой играет и травой
Не к добру не к худу

Два сугроба глядят в оба
Моих глаза видел чтобы
Ручьи своих слёз

Дух – окраина тело – столица
Между ними граница столица
Весна на ресницах грёз

Проснулась зимняя земля
Весна вернулась на поля
Ручьями слёзы побежали

Деревья на солнце светились
Стояли и не садились
И звёзды луну окружали

В тумане веток острова
Верх неба – синева
Низ – белоснежный пух

Повис на облаке сугроб
Солнце землю в лоб
Целует – день потух

То невидимка то огромна
Земля на небе дышит ровно
Полушарья в лапах туч

Полутьма и полусвет
Переживут закат рассвет
Как хлеб преломят луч

Небо – поле солнце – стог
Месяц – серп луна – цветок
Ни рассвета ни заката

Утром – вечер ночью – день
Душа взлетела тело – тень
Её упавшая куда-то

От грома остаётся – крик
От грозы огня родник
От меня душа спасётся

Она исчезнет без следа
Растает тело и вода
Над ним волнуясь вознесётся

Короче ночи вечера
Они черны она пестра
Как прожитые дни

Ни мамы с папой ни луны
Звёздами глаза полны
Мы на земле одни

Одна другой длинней
В ночи сосульки дней
Тишина слышна

Горизонт в такую рань
Сегодня – нитка завтра – ткань
Тумана пелена

Подо льдом ни ветерка
Легче облаков река
Пузырьков полна

Чище воздуха вода
Тверда душою в холода
В себя погружена

Бесшумно дерево растёт
Его то снегом заметёт
То жёлтою листвою

Тяжёл стою я на траве
Душа одна как будто две
Был – мёртвый стал – живой

ЧАСТЬ 6

Боре Констриктору

солнце за луной,
вытянув лучи
воздуха волной,
прячется в ночи

вытянув лучи,
отступила тьма,
прячется в ночи,
и опять зима

отступила тьма
с головы до пят,
и опять зима,
и волхвы стоят

с головы до пят
пробежит волна,
и волхвы стоят,
как глаза без дна

пробежит волна,
света пузыри,
как глаза без дна,
слёз поводыри

света пузыри,
поднимаясь с лап,
слёз поводыри,
и ребёнка цап

поднимаясь с лап
запада, восток
и ребёнка цап,
дай мне адресок

запада, восток,
дальняя родня,
дай мне адресок
ближнего меня

в сушу у воды
малышу играть
и камней ряды
миловать, карать

малышу играть,
овцы устают
миловать, карать,
и волхвы жуют

в доме нежилом
солнце не печёт,
и дожди углом,
и заря течёт

солнце не печёт
на траве дрова,
и заря течёт,
и душа жива

на траве дрова
начали цвести,
и душа жива,
и давай расти

начали цвести
ласточка и стриж,
и давай расти
на глазах малыш

и носился дух
в глубине травы,
и земля, как пух
с детской головы

в глубине травы
запад и восток,
с детской головы
падает цветок

запад и восток
медленно растут,
падает цветок,
улицы цветут

медленно растут
зло и доброта,
улицы цветут,
и земля чиста

зло и доброта
по краям души,
и земля чиста,
и светло в глуши

по краям души
внешняя среда,
и светло в глуши
птичьего гнезда

ветер налетел,
август наступил,
звук осиротел,
эхо расщепил

август наступил
в птичьем языке,
эхо расщепил,
как звезду в реке

в птичьем языке
радуги дуга,
как звезда в реке,
тьмы одна нога

над семьёй моей
эти небеса
родственного ей
цвета, как роса

эти небеса
и возникли без
цвета, как роса,
и набрали вес

и возникли без
берегов лучи,
и набрали вес
чистые ключи

собрала луна
сёла, города
у речного дна,
и земля тверда

сёла, города
сделают виток,
и земля тверда,
попыхнёт восток

сделают виток
зло и доброта,
попыхнёт восток
осенью с листа

зло и доброта
скорость наберут
осенью с листа,
и волхвы замрут

и, откинув прядь,
пришлецов слепит
молодая мать,
и младенец спит

пришлецов слепит,
прячет ночь тиха,
и младенец спит
в сердце пастуха

и сердечный стук
набежит волной
на семейный круг
в тишине ночной

набежит волной
свет на волосок,
в тишине ночной
на седой висок

свет на волосок,
облаком листва
на седой висок,
в бороду волхва

облаком листва,
прячется малыш
в бороду волхва,
и, как солнце рыж

в маму и отца,
каждую черту
своего лица
я перерасту

каждую черту,
чтоб не возвращать,
я перерасту
способы прощать

чтоб не возвращать
реку, лес, поля,
способы прощать
приняла земля

реку, лес, поля,
каждый волосок
приняла земля,
удержал песок

каждый волосок
малыша, спеша,
удержал песок,
и болит душа

малыша, спеша
к своему концу,
и болит душа
по всему лицу

к своему концу
сёла, города
по всему лицу
вспыхнут от стыда

сёла, города
солнцем за рекой
вспыхнут от стыда,
обретут покой

солнцем за рекой
выросла гора,
обретут покой
звёзды до утра

выросла гора,
прячет от жары
звёзды до утра,
как пастух дары

прячет от жары
и слеза глаза,
как пастух дары,
и бежит гроза

и слеза глаза
поднимает вверх,
и бежит гроза,
и звенит, как смех

поднимает вверх
мама малыша,
и звенит, как смех
у отца душа

мама малыша
держит на руках,
у отца душа
на её щеках

как над головой
и в горах закат,
плодородный слой,
громовой раскат

и в горах закат,
овцы, как снега,
громовой раскат,
облаков стога

и вода, как лёд,
пропускает свет,
малышу поёт
матери в ответ

как волхвов дома,
матери в ответ
расступилась тьма,
пропускает свет

и стучат сердца,
птицы сеют, жнут
около отца,
маму не вернут

птицы сеют, жнут,
крылья за спиной
маму не вернут,
и земля волной

крылья за спиной,
как чужие рты,
и земля волной,
камнем с высоты

как чужие рты,
и отец, и сын
камнем с высоты
маминых морщин

и отец, и сын
попадают в сеть
маминых морщин,
словно овцы в клеть

попадают в сеть
пашни и луга,
словно овцы в клеть,
неба берега

круглый сирота,
как родной пейзаж,
формой глаз и рта
делается наш

как родной пейзаж,
всякий имярек
делается наш
и даёт побег